

Сказка Туве Янссон " Весенняя песня "

Как-то раз тихим безоблачным вечером в конце апреля Снусмумрик зашел очень далеко на север – там в тени кое-где еще оставались маленькие островки снега.

Целый день шел он, любуясь дикой природой и слушая, как над головой у него кричат перелетные птицы. И они направлялись домой из южных стран. Шагал он бодро и весело, так как рюкзак его был почти пуст и не было у него на душе ни тревог, ни печалей. Все его радовало – и лес, и погода, и собственное одиночество.

Завтрашний день казался таким же далеким, как и вчерашний; между ветвями берез мелькало красноватое неяркое солнышко, и воздух был прохладен и ласков.

"Подходящий вечерок для песни, – подумал Снусмумрик. – Для новой песни, в которой было бы и томление, и весенняя грусть, и, самое главное, безудержное веселье, радость странствий и одиночества".

Эта мелодия звучала в нем уже много дней, но он все не решался выпустить ее на волю. Она должна была как следует подрасти и прихорошиться, стать настолько самостоятельной, чтобы все ее звуки радостно попрыгали на свои места, как только он прикоснется губами к гармошке.

Если бы он вызвал их слишком рано, могло бы случиться так, что они расположились бы как попало, и песня получилась бы так себе, не очень удачной, и он тогда, возможно, потерял бы к этому всякий интерес. Песня – дело серьезное, особенно если она должна быть и веселой, и грустной.

Но в этот вечер Снусмумрик был уверен в своей песне. Она уже почти сложилась – она станет лучшей из его песен.

А когда он подойдет к долине троллей, он сыграет ее, стоя на перилах моста через реку, и Муми-тролль сразу же скажет, что это прекрасная песня, просто прекрасная песня.

Снусмумрик ступил на мох и остановился. Ему стало немного не по себе, он вспомнил Муми-тролля, который его ждал и очень по нему соскучился, который им восхищался и говорил: "Ну конечно, ты свободен, ясное дело, ты уйдешь, неужели я не понимаю, что тебе надо иногда побыть одному". И в то же время в глазах его были тоска и безысходность.

– Ай-ай-ай, – сказал Снусмумрик и двинулся дальше. – Ай-ай-ай. Он такой чувствительный, этот Муми-тролль. Мне не надо о нем думать. Он очень милый, но сейчас я не буду о нем думать. В этот вечер я наедине с моей песней, и сегодня – это еще не завтра.

Через минуту-другую Снусмумрику удалось выбросить Муми-тролля из головы. Выискивая подходящее местечко для привала, он услышал журчание ручья гдето чуть поодаль, в глубине леса, и сразу направился туда.

Между стволами деревьев потухла последняя красная полоска, медленно сгущались весенние сумерки. Весь лес погрузился в вечернюю синеву, и березы точно белые столбы отступали все дальше и дальше в полумрак.

Это был прекрасный ручей.

Чистый и прозрачный, он, приплясывая, бежал над коричневыми клочьями прошлогодних листьев, пробежал по еще не растаявшим ледяным туннелям и, повернув на поросшую мхом лужайку, бросался вниз головой на белое песчаное дно, образуя небольшой водопад.

Ручей этот то весело напевал тоненьким комариным голоском, то придавал своему голосу суровое и угрожающее выражение, а иногда, прополоскав как следует горло снеговой водицей, заливался смехом.

Снусмумрик стоял и слушал. "Ручей тоже попадет в мою песенку, – подумал он. – Может быть, как припев".

В этот момент из запруды выпал камень, изменивший мелодию ручья на одну октаву.

– Недурно, – восхищенно сказал Снусмумрик. – Именно так это и должно звучать. Еще одна нота – как раз та, которая нужна.

А может, посвятить ручью отдельную песню?..

Он достал свою старую кастрюлю и наполнил ее под водопадом.

Зашел под ели в поисках хвороста. Из-за таявшего снега и весенних дождей в лесу было мокро и сыро, и Снусмумрику, чтобы найти сухие ветки, пришлось забраться в густой бурелом. Он протянул лапу – и в тот же миг кто-то взвизгнул и метнулся под ель и еще долго тихонько повизгивал, удаляясь в глубь леса.

– Ну да, конечно, – сказал самому себе Снусмумрик. – Под каждым кустом всякая мелюзга. Знаю я их... И почему они всегда такие беспокойные? Чем меньше, тем непоседливей.

Он вытащил сухой пенек и немного сухих веток и, не торопясь, разложил походный костер в излучине ручья. Костер сразу же занялся, ведь Снусмумрик привык готовить себе обед. А готовил он всегда только себе самому, и никому больше. Чужие обеды его не очень-то интересовали, потому что все его знакомые никак не хотели расставаться с привычкой болтать за едой.

И еще они питали слабость к стульям и столам, а некоторые из них пользовались и салфетками.

Он даже слышал об одном хемуле, который переодевался, прежде чем приняться за еду, но это, наверное, была просто клевета.

С отсутствующим видом Снусмумрик хлебал свой жиденский суп, и взгляд его все это время был устремлен на зеленый мшистый ковер, что раскинулся под березами.

Мелодия сейчас была совсем близко, оставалось только ухватить ее за хвост. Но он мог и не торопиться, она все равно была окружена и уже не могла ускользнуть. Поэтому сначала он займется мытьем посуды, потом трубкой, а затем, когда запылают угли в костре и в лесу начнут перекликаться ночные звери, – вот тогда настанет время для песни.

Он увидел ее, когда мыл в ручье кастрюлю. Эта малышка притаилась за корневищем и тарасилась на него из-под взъерошенных, нависших надо лбом волос. Глазки смотрели испуганно, но с необыкновенным любопытством, они следили за каждым движением Снусмумрика.

Снусмумрик сделал вид, что ничего не замечает. Он подгрел угли в костре и срезал несколько еловых веток, чтобы было помягче сидеть. Потом достал трубку и неторопливо раскурил ее. Он пускал в ночное небо тонкие струйки дыма и ждал, когда к нему пожалует его весенняя песня.

Но песня не торопилась. Зато малышкины глаза смотрели на него не отрываясь, они восхищенно следили за всеми его действиями, и это начинало его раздражать.

Снусмумрик поднес ко рту сложенные вместе лапы и крикнул:

– Брысь!

Крошка юркнула под свой корень и, необычайно смущенная, пропищала:

– Надеюсь, я тебя не напугала? Я знаю, кто ты такой. Ты Снусмумрик.

Она забралась в ручей и стала перебираться на другой берег.

Для такой крохи ручей оказался глубоковат, да и вода в нем была слишком холодная. Несколько раз ноги ее теряли опору, и она плюхалась в воду, но Снусмумрик был так рассержен, что даже не попытался ей помочь.

Наконец на берег выползло какое-то жалкое и тоненькое, как ниточка, существо, которое, стуча зубами, сказала:

– Привет! Как удачно, что я тебя повстречала.

– Привет, – холодно ответил Снусмумрик.

– Можно погреться у твоего костра? – продолжала кроха, сияя всей своей мокрой рожцей. – Подумать только, я стану одной из тех, кому хоть раз удалось посидеть у походного костра Снусмумрика. Я буду помнить об этом всю свою жизнь. – Малышка пододвинулась поближе, положила лапку на рюкзак и торжественно прошептала: – Это здесь у тебя хранится губная гармошка? Она там, внутри?

– Да, там, – сказал Снусмумрик довольно недружелюбно. Его уединение было нарушено, его песня уже не вернется – пропало все настроение. Он покусывал трубку и смотрел на стволы берез пустыми, невидящими глазами.

– Ты нисколько мне не помешаешь! – с самым невинным видом воскликнула кроха. – Ну если б ты вдруг захотел поиграть. Ты себе даже не представляешь, как мне хочется послушать музыку. Я еще ни разу не слышала музыки. Но о тебе я слышала. И Ежик, и Кнютт, и моя мама – все они рассказывали... А Кнютт даже видел тебя! Ты ведь не знаешь... здесь так скучно... И мы так много спим...

– Но как же тебя зовут? – спросил Снусмумрик. Вечер все равно был испорчен, и он решил, что уж лучше поболтать, чем просто молчать.

– Я еще слишком маленькая, и у меня еще нет имени, – с готовностью отвечала малышка. – Меня никто об этом раньше не спрашивал.

А тут вдруг появляешься ты, о котором я так много слышала и которого так хотела увидеть, и спрашиваешь, как меня зовут. А может, ты смог бы... Я хочу сказать, тебе было бы нетрудно придумать мне имя, которое было бы только моим и больше ничьим? Прямо сейчас...

Снусмумрик что-то пробормотал и надвинул на глаза шляпу. Над ручьем, взмахнув длинными, заостренными на концах крыльями, пролетела какая-то птица, и крик ее, тоскливый и протяжный, еще долго разносимся по лесу: ти-у-у, ти-у-у.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Никогда не станешь по-настоящему свободным, если будешь чрезмерно кем-нибудь восхищаться, – неожиданно сказал Снусмумрик.
– Уж я-то знаю.

– Я знаю, что ты все знаешь, – затараторила малышка, подвигаясь еще ближе к костру" – Я знаю, что ты видел все на свете. Все, что ты говоришь, все так и есть, и я всегда буду стараться стать такой же свободной, как ты. А сейчас ты идешь в Муми-дол, чтобы как следует отдохнуть и встретиться с друзьями...

Ежик говорил, что когда Муми-тролль встает после зимней спячки, то он сразу начинает по тебе скучать... Правда, приятно, когда кто-нибудь ко тебе скучает и все ждет тебя и ждет?

– Я приду к нему, когда захочу! – не на шутку рассердился Снусмумрик. – Может, я еще вообще не приду. Может, я пойду совсем в другую сторону.

– Но он тогда, наверно, обидится, – сказала кроха. Она уже начала подсыхать, и оказалось, что спинка ее покрыта мягким светло-коричневым мехом. Снова потерев рюкзак, она осторожно спросила: – А может быть, ты... Ты так много путешествовал...

– Нет, – сказал Снусмумрик. – Не сейчас. – И он с раздражением подумал: "Почему они никак не могут оставить меня в покое? Неужели они не могут понять, что я все только испорчу своей болтовней, если начну об этом рассказывать? Тогда ничего не останется, я запомню только свой собственный рассказ, если попытаюсь рассказать о своих странствиях".

Надолго воцарилось молчание, снова закричала ночная птица.

Наконец малышка поднялась и едва слышно проговорила:

– Да, конечно. Тогда я пойду домой. Пока.

– Пока, – сказал Снусмумрик. – Да, послушай-ка. Я насчет твоего имени. Тебя можно было бы назвать Ти-ти-уу. Ти-ти-уу, понимаешь, веселое и задорное начало и долгое и грустное "у" на конце.

Малышка стояла и смотрела на него не мигая, и в отблесках костра глаза ее светились, словно желтые огоньки. Она немного подумала, тихонько прошептала свое новое имя, точно пробуя его на вкус, примерилась к нему как следует и наконец, задрав мордочку к небу, провыла это свое новое, свое собственное имя, и в вое этом было столько восторга и тоски, что у Снусмумрика по спине пробежал холодок.

Затем коричневый хвостик юркнул в зарослях вереска, и все стихло.

– Эх, – вздохнул Снусмумрик и поддал ногой угли в костре.

Выбив трубку, он поднялся и закричал: – Эй, вернись! – Но лес молчал. – Ну вот, – сказал Снусмумрик. – Нельзя же постоянно быть приветливым и общительным. Просто-напросто не успеваешь. И ведь малышка получила свое имя...

Он снова сел и, прислушиваясь к журчанию ручья и ночной тишине, стал дожидаться своей мелодии. Но она не появлялась. И тогда он понял, что она улетела уже слишком далеко и ему ее, наверно, никогда не догнать. У него в ушах звенел лишь восторженный и робкий голосок этой малявки, которая все говорила, говорила и говорила...

– Ей бы сидеть дома со своей мамой, – проворчал Снусмумрик и улегся на еловые ветки. Через минуту он приподнялся и снова закричал, глядя в сторону леса. Он долго вслушивался в ночную тишину, потом надвинул на глаза шляпу и приготовился спать.

На следующее утро Снусмумрик отправился дальше. Он чувствовал усталость и был не в духе; не глядя по сторонам, он держал путь на север, и в голову ему не приходило ничего даже отдаленно напоминающего мелодию.

Снусмумрик не мог думать ни о чем другом, кроме этой малышки. Он помнил каждое ее слово, помнил все, что говорил сам, раз за разом перебирал в памяти все подробности их встречи, он все шел и шел и присел отдохнуть, лишь почувствовав полное изнеможение.

"Что это со мной? – вконец сбитый с толку, раздраженно думал Снусмумрик. – Такого со мной еще никогда не бывало.

Наверное, я заболел".

Он поднялся и побрел дальше, и все началось сначала, он снова начал вспоминать все, что говорила малышка, и все, что он ей отвечал.

Наконец он не выдержал. Где-то во второй половине дня Снусмумрик решительно повернулся и пошел обратно.

Через несколько минут он почувствовал себя лучше. Он шел все быстрее и быстрее, бежал, спотыкался. В ушах его звучали обрывки песен, но ему было не до них. Ближе к вечеру, снова оказавшись в березовой роще, он принялся звать малышку.

– Ти-ти-уу! – кричал он. – Ти-ти-уу!

И ночные птицы отвечали ему: ти-у-у, ти-у-у. Но малышка не отзывалась.

Снусмумрик исходил все вокруг вдоль и поперек, он искал ее и звал, пока не стемнело. Над полянкой появился молодой месяц.

Снусмумрик посмотрел на него и подумал: "Загадаю-ка я желание, ведь это же молодой месяц".

И он чуть было не загадал то же, что обычно загадывал; новую песню или, как иногда бывало, новые приключения. Но он вдруг передумал и сказал:

– Хочу увидеть Ти-ти-уу.

И он повернулся три раза кругом, потом пересек поляну и вошел в лес. Ему показалось, в кустах что-то зашуршало, что-то коричневое и пушистое.

– Ти-ти-уу, – тихо позвал Снусмумрик. – Я вернулся, чтобы поболтать с тобой.

– А, привет, – высунувшись из кустов, сказала Ти-ти-уу. – Хорошо, что ты пришел. Я покажу тебе, что у меня есть. Моя собственная табличка с именем! Смотри! Когда у меня будет свой дом, я повешу ее над дверью. – Малышка держала кусочек коры, на котором было вырезано ее имя, и важно продолжала: – Красиво, правда? Всем очень понравилось.

– Замечательно! – воскликнул Снусмумрик. – А у тебя будет свой дом?

– А как же! – просияла малышка. – Я ушла из дома и начала жить, как большая! Это так интересно! Понимаешь, пока у меня не было собственного имени, я просто бегала по лесу и всюду совала свой нос, а все события происходили сами по себе, иногда было очень страшно, иногда нет, все это было не по-настоящему... Ты меня понимаешь? – Снусмумрик попытался что-то сказать, но малышка тут же снова заговорила: – Теперь я стала личностью, и все, что вокруг происходит, все это что-нибудь да значит. Потому что происходит это не само по себе, а происходит со мной, Ти-ти-уу. И Ти-ти-уу может подумать одно, а может подумать другое – понимаешь, что я имею в виду?

– Конечно, понимаю, – сказал Снусмумрик. – Я, пожалуй, все же навещу Муми-тролля. Мне даже кажется, я немного по нему соскучился.

– Что? А-а, Муми-тролля? Да, да, конечно, – сказала Ти-ти-уу.

– А если хочешь, я мог бы тебе немного поиграть, – продолжал Снусмумрик. – Или что-нибудь рассказать. Малышка выглянула из кустов и сказала:

– Рассказать? Да, да, конечно. Только попозже. А сейчас у меня дела, ты уж меня извини...

Коричневый хвостик скрылся в кустах, но через несколько секунд Снусмумрик увидел малышкины ушки и услышал веселый голосок:

– Пока, привет Муми-троллю! А я тороплюсь, я потеряла столько времени! – И в тот же миг она исчезла.

Снусмумрик почесал в затылке.

– Вот оно что, – протянул он. – Так, та-ак.

Он улегся на мох, лежал и смотрел в весеннее небо, ясно-синее прямо над ним и цвета морской волны над верхушками деревьев. И тут он услышал свою мелодию, зазвучавшую у него где-то под шляпой, мелодию, в которой было и томление, и весенняя грусть, и, самое главное, безудержное веселье, радость странствий и одиночества.